

ИНТЕГРАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРАВООПОНИМАНИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В контексте основных типов правосопонимания, представленных в современной теоретической юридической литературе, дается характеристика и оценка интегративной концепции права. Автор полагает, что на стремление ряда правоведов к сближению позиций в трактовке права в рамках «интегративной юриспруденции», на ее поиск и обоснование существенное влияние оказал процесс глобализации – универсальный феномен, охватывающий многие сферы государственной и общественной жизни, включая право.

A. F. VISHNEVSKY

INTEGRATIVE CONCEPT OF LAW IN THE CONTEXT OF VARIOUS TYPES OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE GLOBALIZED WORLD

In the context of the main types of legal consciousness presented in modern theoretical legal literature the characteristic and assessment of the integrative concept of the right is given. The author believes that globalization process, universal phenomenon covering many spheres of the state and public life including law, had significant effect on aspiration of a number of jurists to rapprochement of positions in law interpretation within “integrative jurisprudence”, on its search and justification.

**ВИШНЕВСКИЙ
Алексей Федорович,**

профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор права

Введение

Право – настолько уникальный, сложный и общественно необходимый феномен, что на протяжении всего времени его существования научный интерес к нему не только не исчезает, но, наоборот, возрастает. Вопросы правосопонимания принадлежат к числу вечных уже потому, что человек на каждом из витков своего индивидуального и общественного развития открывает в нем новые качества, новые аспекты соотношения его с другими явлениями и сферами жизнедеятельности социума, поэтому неслучайно в мире существует множество научных идей, течений и точек зрения по вопросу, что есть право. Ирония И. Канта по поводу того, что право существует тысячи лет, а юристы до сих пор не могут договориться, что такое право, актуальна и сегодня. Это относится не только к отечественной теоретической науке, но и к западной юриспруденции. «Было, – писал известный британский юрист Д. Уолкер, – сделано много попыток словесного определения (права. – А. В.), но, возможно, ни одна из них не является удовлетворительной и не получила всеобщего признания» [1, с. 716]. А между тем плюрализм теорий по рассматриваемому вопросу имеет свои объективные причины:

- 1) они (теории, школы) возникают на различных этапах исторического развития общества, а каждый этап вполне закономерно выдвигает свои проблемы, отражающиеся в теориях правосопонимания;
- 2) нельзя отрицать и обусловленность теорий о праве этническими, национальными традициями, религиозными воззрениями, государственным строем, особенностями формирования правовых систем в той или иной стране;
- 3) школы (теории) о правосопонимании могут выражать интересы разных социальных сил, меняются интересы – меняются взгляды на право;

- 4) одной из возможных предпосылок множественности теорий правосопонимания является сложность механизма правового регулирования, который предполагает наличие различных элементов: норм права, юридических фактов, правоприменительных актов, в том числе судебных, влияние на подходы к праву и правовому регулированию правосознания, нравственности мыслителей с их представлениями о добре и зле, справедливости, разумности и т. д.;

- 5) право как социальный институт, связанный с политикой, экономикой, интересами социальных групп и индивидов, в регулировании общественных отношений взаимодействует с корпоративными и иными социальными нормами.

Нельзя забывать и о том, что проблемы правосопонимания тесно связаны с разными философскими воззрениями, а также другими объективными и субъективными факторами. Так, Аристотель, Ж. Боден, Ш. Монтескье стремились выявить не только социальные факторы обусловленности права (следовательно, и правосопонимания), но и естественные (климатические условия, почву, величину государства, его месторасположение на географической карте мира и т. д.). Как следствие, всесторонний подход мыслителей прошлого к определению природы права позволил им прийти к выводу, что «право диктуется не только волей суверена, но и целым рядом естественных, исторических, социальных, экономических и политических факторов» [2, с. 13].

Основная часть

Становление и развитие человеческой цивилизации свидетельствует, что история права не однолинейна: деспотия уступала место демократии, последняя сменялась новыми формами подавления, которые замещались и новыми формами свободы. Происходило это не только

в масштабах материков и континентов, но и в пределах отдельно взятых стран и народов. С уверенностью можно констатировать одну глобальную тенденцию в развитии права, выражающуюся в объективной необходимости постоянного возрастания его роли в государственно организованном обществе. Следовательно, плюралистичность правопонимания не может рассматриваться как историческая случайность. Многозначность трактовок права в научной литературе обосновывается как социальными, так и гносеологическими факторами. К первой группе следует относить обстоятельства, коренящиеся в социальной неоднородности общества. Каждая из социальных групп, слоев, страт в лице как индивидуальных, так и коллективных представителей «предпочитает считать правом... прежде всего тот феномен..., который способствует, а не препятствует удовлетворению ее потребностей и интересов» [3, с. 16]. Вторая группа факторов связана с методологическими позициями исследователей, на которых они стоят, на оценке ими уже сложившихся правовых концепций. В результате каждый ученый, выражая интересы той или иной социальной группы, те или другие идеологические, политические, религиозные пристрастия исследует и обосновывает «то, что ему хочется, и называет это правом. А потом начинается спор: «это право, а это не право» [4, с. 14].

При рассмотрении названной проблемы мы будем исходить не только из теоретической, но и практической ее значимости. Ведь философствовать по поводу понятия права можно весьма заинтересованно, глубоко и бесконечно, но едва ли результативно, если не определиться в главном – почему и каким образом посредством права на каждом историческом этапе развития государственно-организованного общества обеспечиваются законность и правопорядок.

Итак, анализ всего обилия правопониманий, наиболее широко представленных в современной отечественной и зарубежной научной правовой литературе, дает возможность утверждать, что оно в своей базовой конструкции может укладываться в четыре основных типа: юридический нормативизм, социологический позитивизм, теорию естественного права, либертарно-юридическую концепцию права (его философскую трактовку) [2, с. 13; 5; 6; 7].

Юридический нормативизм (как в первоначальной позитивистской, так и в современной диалектико-материалистической трактовке) рассматривает право как совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством.

Социологический позитивизм не ограничивается трактовкой права как совокупности юридических норм, характеризуя последние как «мертвое право», а относит к нему и реальные социальные отношения, имеющие юридическое значение (правовые отношения, решения судебных и административных органов) – «живое право».

Согласно теории естественного права последнее определяется не волей государства, не его правотворческой деятельностью, а проистекает из высшего разума или из самой природы гражданского общества и человеческой сущности. При этом за человеком признаются врожденные и неотъемлемые права, существующие независимо от государства и предшествующие ему. Государство лишь

призвано их правильно воспринимать, формулировать и обеспечивать. Другими словами, нормы и принципы естественного права не зависят от воли государства, но обязательны для него.

Либертарно-юридическое, или философское, понимание права заключается в том, что оно (право) определяет пределы, в которых человек может действовать свободно («право есть формальная свобода индивида»). Типы права – «это основные исторические формы признания и организации свободы людей, выражающие этапы прогресса свободы» [8, с. 242].

Нетрудно заметить, что первые два подхода (юридический и социологический) придают праву вполне реальное содержание (правовые нормы и отношения), т. е. признают право таким, каким оно существует в действительности. Последние же два подхода носят абстрактный, сугубо теоретический характер, т. е. «исходят из того, каким право должно быть» [2, с. 13].

Но в какой бы степени мы ни заостряли отмеченные методологические различия между указанными подходами к пониманию права, в каждом из них присутствует оценка нормативности его содержания. Это и позволило нам в одной из публикаций отметить несостоятельность противопоставления позитивистских и философских подходов к правопониманию, а также показать их соотносимость как содержания и формы, сущности и явления в праве [9, с. 9–18].

Как следствие устремленности ряда правоведов к сближению отмеченных позиций в трактовке права в середине прошлого века возникло еще одно направление в определении его содержания, которое принято называть интегративным. Полагаем, что на поиск последнего существенное влияние оказал процесс глобализации, который активизировал социальные и гносеологические факторы, обуславливающие многозначность подходов к правопониманию. В юридической литературе по этому поводу верно отмечается, что глобализация как явление, будучи универсальным по своей природе феноменом, охватывает не только сферу финансов, мировую экономику, средства массовой информации, но и другие стороны государственной и общественной жизни, включая право. В частности, с объективной необходимостью она оказывает существенное влияние на трансформацию и модернизацию государственно-правовых институтов, норм и отношений «на всемирном, макрорегиональном и внутригосударственном уровнях, стимулирует, ускоряет и обновляет процессы универсализации в области права, организации и функционирования государства» [10, с. 38]. Наиболее зримо тенденция универсализации и унификации права проявляется на глобальном и региональном уровнях в таких сферах правового регулирования, как торговля, бизнес, финансы и др.

По-видимому, не случайно «интегративная юриспруденция» как особое направление в правоведении стала настойчиво заявлять о себе с завершением образования в 1957 г. Европейского сообщества, в котором были представлены 12 стран – Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Федеративная Республика Германия и Франция. В сообществе на рассмотрение выносились

различные вопросы развития Европейского континента – от продвижения к новому этапу экономической, валютной и политической интеграции (в рамках создания единого внутреннего рынка) до охраны окружающей среды и соблюдения прав человека. Проблемы интеграции проходили в едином русле с ведущими государствами, входившими в англосаксонскую (англо-американскую) правовую семью. Как следствие, интернационализация экономических и политических процессов имела результатом активизацию взаимодействия правовых систем различных стран, более быстрое преодоление их былой самоизоляции.

Основателем интегративного типа правопонимания является американский теоретик права Джером Холл, опубликовавший в 1958 г. в Нью-Йорке работу «Исследования по юриспруденции и криминальной теории». Ему же наука обязана и термином «интегративная юриспруденция». В русле последней укладывается позиция современного французского теоретика права Жана-Луи Бержеля, во всяком случае в плане использования метода интеграции: «право как таковое является одновременно продуктом событий социального порядка и проявлений воли человека, явлением материальным и совокупностью моральных и общественных ценностей, идеалом и реальностью, явлением исторического плана и нормативного порядка, комплексом внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему, актов свободы и актов принуждения» [11, с. 36]. Интегративное восприятие понимания права характерно и для американского профессора Гарольда Дж. Бермана: «В своем определении и исследовании права социальная теория права должна делать упор на взаимодействие духа и материи, идей и опыта. Она должна свести воедино все три традиционные школы юриспруденции – политическую школу (позитивизм), этическую школу (теория естественного права) и историческую (историческая юриспруденция) – и создать интегрированную, единую юриспруденцию» [12, с. 57].

Интегративный подход ориентирован на общее определение права, вырабатываемое по сути дела путем соединения принципов юридического и социологического позитивизма, а также естественного права. «Право как нормативно-регулятивная система, – полагает Г. В. Мальцев, – есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения» [5, с. 7].

Еще более определенно право характеризуется профессором С. Г. Дробязко «в трех плоскостях»: в правосознании, в нормативном массиве (законодательстве), в правоотношениях. При этом ученый различает статичную (правовые нормы, или «право в книгах») и динамичную (правосознание и правоотношения) стороны права [13, с. 27–28]. Исходя из того, что в праве должно интегрироваться все наиболее ценное, присущее как самому праву, так и другим социальным регуляторам (нравственность, религия, обычаи и т. д.), уважаемый автор определяет право как «верховенствующий, общесоциальный, интегративный, охраняемый государством регулятор, выражающий политическую справедливость в системе норм, определяющих круг субъектов права, их юридиче-

ские права, обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса» [13, с. 29].

Интегративное понимание права находит определенную поддержку в национальной юриспруденции. Так, Г. А. Василевич отмечает, что триединая (интегративная) трактовка права «позволяет полностью охватить природу права, а значит, является основой для его правильного определения» [14, с. 132].

Необходимость интегрированного подхода к пониманию права весьма оригинально обосновывает белорусский правовед В. А. Витушко, связывая его со спецификой мышления индивидуумов. «С методологической точки зрения, – подчеркивает профессор, – понятие права должно быть синтетическим, комплексным, поскольку само мышление людей... объективно носит синтетический, комплексный характер... Понятие права должно содержать общие признаки, имеющиеся у естественно-правового, социологического и позитивистского подхода» [15, с. 50–51].

Проблему противостояния позитивистских и непозитивистских типов понимания права, полагает А. В. Поляков, можно разрешить в рамках третьей – интегральной теории, которая снимет противоречия между ними, примирит их между собой [16, с. 10]. При этом интегральность он понимает не как «смешение разных признаков права, признаваемых теми или иными теоретиками, а определение позиции, с которой эти разные признаки оказываются элементами целостного правопонимания» [17, с. 42].

Признание ценности положений разных правовых школ, разных подходов к пониманию права теоретической юридической наукой позволило профессору В. В. Лазареву предложить следующее интегративное определение права: «право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом» [18, с. 111].

Можно привести еще ряд аналогичных определений или сформулировать свою собственную дефиницию интегративного правопонимания. Однако главное усматривается в том, что при интегративном подходе к пониманию права в его определение включаются прежде всего правовые нормы, правовые отношения и правовое сознание.

В связи с тем что правовая картина мира складывается из разных правовых семей с входящими в них разными правовыми системами, охватывающими в свою очередь разные национальные системы права, то с активизацией процессов глобализации тенденция к интеграции права усиливается. «Современная глобализация (включая и юридическую глобализацию как ее важнейшую составную часть), – подчеркивает В. С. Нерсесянц, – при всех особенностях ее содержания, специфических свойствах, характеристиках и т. д. – представляет собой определенную новую ступень в дальнейшей универсализации всемирной истории человечества и земной цивилизации» [10, с. 38–39]. Можно согласиться, а можно и не согласиться с такой постановкой вопроса, но ясно одно – глобализация воздействует на право не столько как на объективно существующее явление, сколько на его теорию

и соответствующую методологию. По этой причине исследователи не без основания полагают, что под влиянием процесса глобализации будут видоизменяться старые правовые теории и возникать новые правовые модели, в основу которых будет заложена новая правовая культура, идеология, а также новая методология познания окружающей человека правовой среды [19, с. 267].

Понятно, что концепции правопонимания создаются не на пустом месте, не в отрыве от правового регулирования, но каждая из них ставит во главу угла один-два феномена, участвующих в этом регулировании. Поэтому, как указывалось выше, в зависимости от того, в чем усматривалась основа (базовый элемент) права – в естественных неотъемлемых правах человека, в норме права, в правоотношениях или в философски трактуемой свободе, – и сформировались естественно-правовая, нормативистская, социологическая и либертарно-юридическая теории правопонимания. Что касается интегративного (компромиссного) подхода к пониманию права, то в нем сделана попытка объединить элементы, являющиеся базовыми в различных концепциях права: правовые нормы, правовые отношения, правосознание.

Как видим, стремясь к пересмотру основных принципов и категорий юридической науки, представители неклассической интерпретации права в поиске выработки интегративного правопонимания включают в него элементы различных трактовок права, лишая их при этом изначально заложенного в них смысла. На эту сторону проблемы особое внимание обратила старший научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права Российской Академии наук Н. В. Варламова [20, с. 239].

Таким образом, при интегративном подходе к пониманию права в его понятии объединяются существенно различающиеся элементы механизма правового регулирования, исполняющие в нем самостоятельные роли – от собственно регулятивных до исполнительных и даже идеологических. Ведь при таком подходе в определение права включаются и нормативные акты, и акты применения правовых норм, и правовые отношения, и даже правосознание, т. е. представления о том, какими должны быть правовые нормы, как они должны реализовываться. Следовательно, при всей соблазнительности интегративной трактовки права она весьма уязвима с научной и прежде всего логической точки зрения. И пожалуй, самое главное, она едва ли осуществима на практике, поскольку правореализующие субъекты ставятся в весьма трудное положение: чем на самом деле руководствоваться – четко сформулированной правовой нормой или же субъективным представлением о ней, идеей, не получившей, по их представлениям, должного нормативного выражения.

Не поэтому ли на современном этапе развития государственного организованного общества широкого признания интегративный подход к определению права не получил. «Мысль, – пишет профессор О. В. Мартышин, – сочетать в одном определении законы, правосознание и правоотношения соблазнительно, но едва ли реализуема из-за напряжения и противоречий, возникающих между ними и лишаящих систему стройности» [2, с. 16]. В самом деле, если исходить из отмеченной выше и общепризнан-

ной нормативной значимости права, возникает весьма принципиальный вопрос: как можно относить к праву правосознание (т. е. отношение к праву) и правоотношения, играющие в механизме правового регулирования совершенно особые, специфические роли.

В правовой науке уже сформировалось широко признанное и достаточно устойчивое представление о правовом сознании как об одной из форм человеческого сознания, явлении идеальном и весьма многообразном [21, с. 108–114]. По своей структуре правосознание включает правовую идеологию, правовую психологию и правовую мораль.

Правовая идеология представляет собой систематизированное научное выражение правовых идей, теорий, представлений о праве и его развитии. Правовая психология включает в себя различного рода чувства, эмоциональные оценки, настроения, переживания по поводу функционирования права, справедливого или несправедливого его содержания и применения и т. п. Правовая мораль – это представления людей о действующем праве, его реализации и развитии с точки зрения их моральных убеждений, которые весьма разнообразны и изменчивы. В правовом сознании находят свое проявление и правовой нигилизм, и правовой идеализм [22, с. 146–151].

Допустимо ли при таком научном понимании правосознания рассматривать его в качестве структурного элемента права, обладающего общерегулятивным, общеобязательным характером? Представляется, что в связи с этим было бы нелишним вспомнить высказывание известного религиозного философа И. А. Ильина о том, что «нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебрежительным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Правосознание как духовный орган, необходимый человеку, участвует так или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступления, притесняет соседей, предаст свою родину и т. д.» [23, с. 224]. Если это так, то разве допустимо относить правосознание к праву, которое и по признанию сторонников его интегративной трактовки является верховенствующим, общесоциальным, охраняемым государством нормативным регулятором общественных отношений?

Только в эпоху серьезных общественных потрясений (например, революция 1917 года в России), когда старые нормативные акты отменяются, а новые еще не приняты, право стало связываться не с законодательством, а с правовым сознанием. Первые декреты советского государства расценивались скорее как пропаганда, своего рода популизм, призывы к массам. Местные суды, сказано в Декрете СНК «О суде» (1917 г.), руководствуются старыми законами «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [24, с. 16]. Восхваляя работу революционных судов как нового источника правотворчества, Д. И. Курский особо выделял то обстоятельство, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется, прежде всего, своим правосознанием» [25, с. 642].

По мере того как революционная эйфория уступала место какой-то стабильности, появлялась потребность в принятии стабильных нормативных актов, в кодификации нормативного массива.

Не меньше сомнения вызывает отнесение к праву и правовых отношений. Среди разнообразных определений правоотношений наибольшее признание получило такое, в котором оно характеризуется как социально значимое взаимодействие конкретных (персонально определенных) субъектов права, обладающих взаимными субъективными, т. е. личными, совершенно конкретными правами и обязанностями, возникающими в результате определенных юридических фактов в пределах статутных прав и обязанностей, предусмотренных правовыми нормами [26, с. 85]. Если в праве, правовых нормах выражается государственная воля, воля законодателя, то в правоотношениях она в разных пропорциях сочетается с волей конкретных субъектов правовых отношений, в силу чего последние не обладают праворегулятивным (нормативным) характером.

Значительное место среди правовых отношений занимают правоохранительные отношения, возникающие также на основании правовых норм и юридических фактов, но по воле властвующих правоприменительных органов. Как и обычные правоотношения, отношения правоприменительного характера обладают персонально волевыми признаками, могут быть даже противоправными, т. е. не обладать нормативными, общерегулятивными свойствами. Любые попытки придать им общеобязательный характер, в том числе значимость прецедента, чреваты нарушением законности.

В последнее время заметное распространение получают правоотношения, среди которых встречаются и правоприменительные, по сути своей характеризующиеся как злоупотребление правом. «Злоупотребление правом, – подчеркивает Г. А. Василевич, – нельзя рассматривать как правомерное поведение. Это разновидность неправомерного поведения... Особенностью такого неправомерного поведения является то, что за него может быть установлена ответственность либо она может отсутствовать в традиционном ее понимании, но в связи со злоупотреблением субъективным правом, которое нет оснований рассматривать как правонарушение, лицо может лишиться установленных законом гарантий» [27, с. 253]. Природу и истоки злоупотребления правом весьма точно показал А. В. Волков, который справедливо отмечает, что там, где начинается злоупотребление правом, право заканчивается [28, с. 44]. Неслучайно А. А. Малиновский определяет злоупотребление правом как форму «реализации права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений» [29, с. 27]. Так неужели правоотношения, которые характеризуются как злоупотребление правом, согласно логике сторонников интегративной концепции правопонимания относятся к праву, а не к отклонениям от него?

Наиболее определенно на этот вопрос отвечают представители отраслевых юридических наук. Так, известный цивилист профессор В. П. Мозолин считает, что трактовка права не должна беспредельно расширяться за счет фи-

лософских представлений и юридических ненормативных категорий. Он полагает, что «определение понятия права возможно исключительно в рамках юридического позитивизма» [30, с. 19].

Не менее определенная позиция получает свое выражение и в общей теории права. Профессор О. В. Мартышин отмечает, что нормативистское понимание права является наиболее распространенным. Он пишет: «Пренебрежительное отношение к нормативистскому определению, утверждения, что это “непритязательное определение прикладного типа”, что “его историческое время прошло”, беспочвенны. Достоинство любого определения как раз в точности и “приложимости”, которыми нормативистская формула бесспорно обладает, а не в притязаниях на глубокомыслие» [2, с. 18]. И для Республики Беларусь как государства романо-германской правовой семьи, где закон и соответствующие ему нормативные правовые акты утвердились в качестве доминирующей формы права, нормативистская трактовка права относится к важнейшему признаку его определения. Именно нормативному праву как действующему законодательству обучают будущих юристов. Именно таким правом должны руководствоваться судьи, прокуроры, следователи, адвокаты, должностные лица и граждане.

Но значит ли это, что нормативистская (позитивистская) трактовка права в чем-то противоречит требованиям естественного права и философского его понимания? По сути дела нет. Ведь требования социальной справедливости и обеспечения достигнутого уровня социальной свободы по мере достижения соответствующего уровня их объективной обусловленности так или иначе реализуются в постоянно развивающемся законодательстве. Но как нет ничего абсолютно совершенного, так и не бывает абсолютно безупречного законодательства, поэтому к эксцессам как естественного права, так и его философской трактовки относятся допущения (даже требования) неисполнения законов, которые в некоторых представлениях не соответствуют всеобщей и всевременной справедливости или достигнутому уровню социальной свободы.

На самом же деле механизм достижения соотносимости идеалов естественного и философски трактуемого права с реально существующим законодательным его выражением (позитивным правом) достаточно известен и постоянно совершенствуется. Он включает в себя изменения и дополнения действующего законодательства, толкование норм права, нормативное закрепление демократических и гуманистических принципов правоприменения и т. д. Многие положения естественного права и его философской трактовки как правовой идеологии (части правосознания) благодаря поддержке общественного мнения и в результате упорной политической борьбы получают официальное признание, превращаются в правовые (позитивные) нормы. А толкование правовых норм, особенно в случаях определения их конституционности общими судами и Конституционным судом, обычно не обходится без обращения к естественно-правовым и философским правовым идеалам.

При внимательном и беспристрастном рассмотрении интегративной концепции правопонимания обнаруживаются не только недооценка ею концептуальных до-

стижений юриспруденции, определившихся к XXI в. в сфере механизма правового регулирования общественных отношений, но и коренящиеся в ней противоречия, препятствующие ее использованию в правотворческом процессе. В качестве примера позволим себе привести неудавшуюся попытку принять Закон «О правовых актах Республики Беларусь».

Разработка такого законопроекта и внесение его на рассмотрение в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь было запланировано на ноябрь 2011 года. Предполагалось, что новый закон заменит принятый еще в 2000 году Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Однако решение этой задачи оказалось трудно реализуемым, поскольку в каждой статье нового законопроекта приходилось одновременно характеризовать признаки как нормативного, так и правоприменительного правовых актов. Но если первый распространяется на персонально неопределенный круг субъектов права и на все случаи одного рода (т. е. относится к позитивному праву), то второй относится к совершенно конкретным субъектам и столь же конкретным обстоятельствам, т. е. общерегулятивными (нормативными) признаками не обладает.

В такой ситуации становились понятными преимущества действующего Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», который целиком и полностью сосредоточен на правовом регулировании существующих общественных отношений и является нормативной основой правоприменительной деятельности. Последняя столь многообразна и специфична, что может успешно регламентироваться и ведомственными нормативными правовыми актами.

Правда, со времени принятия данного закона прошло более 15 лет. Совершенно естественно, что в нем, возможно, не учтены в должной мере некоторые нормотворческие новеллы, обнаруживаются правовые пробелы, требующие уточнения положения. Соответствующие коррективы, безусловно, должны и, видимо, будут осуществляться, но на основе сохраняющейся его нормативной сути.

В ходе обсуждения законопроекта «О правовых актах Республики Беларусь» наряду с рядом существенных оценок, замечаний, предложений высказывалось и мнение о нецелесообразности закрепления в действующем законодательстве самого понятия права. Это мнение обосновывалось главным образом тем, что в правовой науке еще не сложилось такое общепринятое понятие. Но, судя по непрекращающимся в этом отношении спорам, чрезвычайно расходящимся по этому поводу мнениям, единое научное определение права едва ли в скором времени будет выработано. На сей счет можно и, видимо, полезно теоретизировать, рассуждать, но практикующим юристам и обучающимся правоведению следует совершенно определенно знать, чем необходимо руководствоваться в первую очередь, чтобы обеспечить в государстве законность и правопорядок [31, с. 22–25].

И такое определение права в действующем законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» содержится. Оно может быть уточнено, дополнено демократическими и гуманистическими положениями естественно-правовой и других философских правовых

концепций, но при сохранении, по всей видимости, своей нормативной значимости.

Таким образом, каждая из концепций правопонимания обосновывает такие свойства права, которые с точки зрения их представителей приближают его к идеальному феномену, однако до настоящего времени ни одной из них не удается объединить все достижения в понимании права, а следовательно, и выработать общепризнанное его понятие.

Заключение

Определенная однобокость существующих подходов уходит в историю, поэтому в прошлом веке выдвинули идею интегративного подхода к пониманию права, где нашли бы отражение такие его свойства, как эквивалент справедливости и мера свободы человека, механизм поддержания законности и правопорядка и средство обеспечения динамики социальной жизни в государственно организованном обществе. Удалось ли приверженцам интегративного подхода разрешить эти задачи, мы и попытались рассмотреть.

Думается, что современная правовая мысль еще не в состоянии адекватно отразить право в целом и соответственно использовать правовой инструментарий во всех проявлениях, потому что она недостаточно полно учитывает тот факт, что оно (право) изменяется вместе с человеком, его бытием, обществом, государством. Следовательно, теории права, судя по всему, обречены на бесконечный поиск его определения, побуждаемые к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности, предмете правового регулирования.

Следует согласиться с профессором Г. В. Мальцевым в том, что бесконечный поиск понятия права определяется и тем, что исследователи, с одной стороны, ощущают постоянную неудовлетворенность достигнутым уровнем юридических знаний, желанием его усовершенствовать, а с другой – возрастанием вместе с опытом понимания относительности результатов, добываемых юридической мыслью, ограниченного и преходящего характера выводов, в «истинность» которых люди уже успели поверить [32, с. 30].

Несомненно одно: понимание права будет наиболее приближено к его сущности, когда гуманитарные ценности права интегрируются (объединяются, синтезируются) с его техническими, рациональными свойствами. Именно это мы имеем в виду, указывая на возможность и даже необходимость внесения корректив, дополнений в определение права, изложенного в ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: например, закрепление достигнутого уровня социальной свободы и все более обеспечиваемой справедливости во всех сферах ее проявления (экономической, социальной и др.). Однако понятие права не должно подменяться положениями об абстрактной нравственной, политической или общесоциальной справедливости, ибо это может привести к произвольной трактовке действующих в государстве нормативных правовых актов, в том числе в оценке их как «правовых» или «неправовых» со всеми вытекающими последствиями.

Список использованных источников

1. Walker, D. M. The Oxford Companion to Law / D. M. Walker. – Oxford : Clarendon-Press, 1980. – 1366 с.
2. Мартышин, О. В. Совместимы ли основные типы правопонимания? / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21.
3. Рабинович, П. М. Предисловие / М. П. Рабинович // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков. – 2013. – С. 9–30.
4. Толстик, В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права / В. А. Толстик // Государство и право. – 2004. – № 9. – С. 13–21.
5. Мальцев, Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М. : Прометей, 1999. – 419 с.
6. Лейст, О. Э. Три концепции права / О. Э. Лейст // Государство и право. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
7. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – М. : Зерцало, 2002. – 279 с.
8. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА, 2000. – 552 с.
9. Вишневский, А. Ф. Право и законодательство в неразрывном единстве / А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Вып. 7. – Минск : Бизнесофсет, 2012. – С. 9–18.
10. Нерсесянц, В. С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире / В. С. Нерсесянц // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 34–47.
11. Бертельс, Ж. Л. Общая теория права : пер. с франц. / Ж. Л. Бертельс // под общ. ред. В. И. Даниленко. – М. : Изд. Дом Nota Bene. – 2000. – 576 с.
12. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Дж. Г. Берман. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ: ИНФРА-М, Норма, 1998. – 624 с.
13. Дробязко, С. Г. Современное правопонимание и его аспекты / С. Г. Дробязко // Право и современность: сб. науч. тр. – Минск, 1998. – С. 26–30.
14. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь / Г. А. Василевич : учебник. – Минск : Книжный дом, 2003. – 832 с.
15. Витушко, В. А. Основы теории юридических понятий / В. А. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО». – 2014. – 260 с.
16. Поляков, А. В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания / А. В. Поляков // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В. Г. Графского). – М., 2008. – С. 8–32.
17. Поляков, А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права / А. В. Поляков // Рос. ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – СПб, 2009. – С. 12–42.
18. Теория права и государства : учебник / под общ. ред. проф. В. В. Лазарева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Право и закон. – 2001. – 576 с.
19. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2013. – 400 с.
20. Варламова, Н. В. Методологические проблемы современной юридической науки / Н. В. Варламова // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию А. В. Полякова : коллективная моногр. : в 2 т. ; под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. – СПб. : Изд-во «Алеф-Пресс», 2014. – Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права. – С. 220–261.
21. Горбатов, Н. А. Правосознание как фактор формирования правового государства / Н. А. Горбатов // Проблемы формирования правового государства в Беларуси : сб. науч. тр. – Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1994. – С. 108–114.
22. Юрашевич, Н. М. Повышение уровня правосознания общества как основа построения правового государства в Республике Беларусь / Н. М. Юрашевич // Верховенство права – основа правового государства. – Минск : Право и экономика, 2001. – С. 146–202.
23. Ильин, И. А. Философия права. Нравственная философия : собр. соч. в 2 т. / И. А. Ильин. – М. : Медиум, 1993. – Т. 1. – 510 с.
24. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.) / под ред. И. Т. Голякова. – М. : Госюриздат, 1953. – 463 с.
25. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. проф. В. С. Нерсесянца. – М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. – 736 с.
26. Кучинский, В. А. Современное учение о правовых отношениях / В. А. Кучинский. – Минск : Интегралполиграф, 2008. – 320 с.
27. Правоприменение: теоретические и практические проблемы / В. И. Берестень [и др.] ; под ред. В. А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 375 с.
28. Волков, А. В. Теория концепции «злоупотребления гражданскими правами» / А. В. Волков. – Волгоград : Станица-2, 2007. – 343 с.
29. Малиновский, А. А. Злоупотребление правом / А. А. Малиновский. – М. : МЗ-Пресс, 2002. – 128 с.
30. Мозолин, В. П. Система российского права / В. П. Мозолин // Труды МГЮА. – 2002. – № 9. – С. 7–28.
31. Вишневский, А. Ф. Интегративное понимание права – научные и практические противоречия в его обосновании / А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сб. ст. Междунар. науч. практ. конф. ; Минск, 27 апр. 2016 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – Ч. 1. – 258 с.
32. Мальцев, Г. В. Познание права: от юридического позитивизма к новому пониманию права // Теория права и государства : учебник / под ред. проф. Г. Н. Манова. – М. : Изд-во БЕК, 1996. – С. 30–91.

12.09.2016